

Библейская фразеология в политической коммуникации

Biblical Phraseology in Political Communication

DOI: 10.12737/2587-9103-2023-12-3-89-96

Получено: 23 марта 2023 г. / Одобрено: 24 апреля 2023 г. / Опубликовано: 26 июня 2023 г.

А.Д. Бакина

Канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой английской филологии, ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева», г. Орел, РФ, ул. Комсомольская, д. 95; докторант кафедры перевода и прикладной лингвистики, ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова», Россия, Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-8217-1828> e-mail: heart-anna@yandex.ru

A.D. Bakina

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the English Philology Department, Oryol State University named after I.S. Turgenev, 95, Komsomolskaya st., Oryol, Russia, Doctoral Student, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, 17, nab. Severnoy Dviny, Arkhangelsk, Russia, e-mail: heart-anna@yandex.ru

Аннотация

Многовекторность исследований библейской фразеологии сегодня обусловлена, с одной стороны, неоднозначностью и недостаточной изученностью библейских фразеологических единиц, с другой — активной употребительностью и частотной воспроизводимостью в разных типах дискурса. Кроме того, их изучение требует привлечения нескольких подходов, таких как структурно-семантический, лингвокогнитивный и когнитивно-дискурсивный, лингвокультурологический, наконец, функциональный. В этом отношении, актуальность представленной проблемы не вызывает сомнения. Обозначая в качестве цели настоящего исследования изучение функциональной специфики фразеологических единиц библейской этимологии, представленных в контекстах политической коммуникации, мы предлагаем освещение вопросов, связанных с особенностями коммуникации в политической сфере, в частности, анализ подходов к определению сущности публицистического дискурса, его ключевых характеристик и ингерентных черт, рассмотрение функционирования фразеологизмов библейского происхождения и их узуальных и окказиональных вариантов. Методология данного исследования определяется целью и научной гипотезой, предполагающей выявление представительного корпуса примеров контекстов политического дискурса, содержащего библейские фразеологизмы, выполняющие ведущую персуазивную функцию. Методами исследования выступают следующие: метод фразеологической идентификации и фразеологического описания, предложенные проф. А.В. Куниным, контекстуальный метод, метод лексико-семантического анализа, поисковый корпусный метод. Полученные результаты исследования позволяют заключить следующее: библейские фразеологические единицы представляют собой отдельную микросистему; библейские фразеологизмы активно используются в устной и письменной речи носителей языка в разных типах дискурса за счет своей полифункциональности и вариативности; в политическом дискурсе библейские фразеологизмы используются в функции убеждения. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые системно исследуется библейская фразеология английского и русского языка на примере ее функционирования в текстах политического дискурса. Имеющиеся на сегодняшний момент работы малочисленны и спорадичны. Практическая значимость исследования определяется возможностью применения полученных данных на занятиях в рамках дисциплин «Основы теории первого иностранного языка», «Стилистика английского языка», спецкурса «Фразеология английского языка».

Ключевые слова: библейская фразеология, политический дискурс, узуальные и окказиональные варианты, специфика функционирования, функция воздействия.

Abstract

The multifaceted nature of the study of biblical phraseology today is due, on the one hand, to the ambiguity and insufficient study of biblical phraseological units, on the other hand, to their active use and frequent reproducibility in different types of discourse. Moreover, their study requires the involvement of several approaches, such as structural-semantic, linguo-cognitive and cognitive-discursive, linguocultural, and finally, functional. In this respect, the relevance of the presented problem is beyond any doubt. Designating the study of functional specificity of the phraseological units of biblical etymology, presented in the contexts of political communication as the aim of this study, we offer a comprehensive coverage of issues related to the specifics of communication in the political sphere, in particular the analysis of approaches to the definition of the notion of publicistic discourse, its key characteristics and ingredient features, consideration of the functioning of phraseological units of biblical origin and their usual and occasional variants. The methodology of this study is determined by the purpose and scientific hypothesis, which implies the identification of a representative corpus of examples of political discourse contexts, containing biblical phraseological units, performing the leading persuasive function. The research methods are as follows: the method of phraseological identification and phraseological description proposed by prof. A.V. Kunin, the contextual method, the method of lexico-semantic analysis, the search corpus method. The results of the research allow concluding the following: biblical phraseological units are a separate microsystem; biblical phraseological units are actively used in oral and written speech of native speakers in different types of discourse due to their polyfunctionality and variability; in political discourse biblical phraseological units are used in the function of persuasion. The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time a systematic study of biblical phraseology in English and Russian on the example of their functioning in the texts of political discourse. The currently available works are few and sporadic. The practical significance of the study is determined by the possibility of using the data obtained in the classroom as part of the disciplines Fundamentals of First Foreign Language Theory, English Language Stylistics, special course English Language Phraseology.

Keywords: biblical phraseology, political discourse, usual and occasional variants, specificity of functioning, function of persuasion.

Введение. На сегодняшний день значительно возрос интерес лингвистов к проблемам дискурса социальных групп, при этом особое внимание уделяется изучению коммуникации в политической сфере. Что касается реализации политического дискурса, она осуществляется посредством вербальных и невербальных языковых средств, а также экстралингвистических факторов, задающихся аксиологическим форматом общения. Кроме того, в структуре рассматриваемого вида дискурса также присутствуют когнитивные структуры, которые определяют обстоятельства существования самого дискурса.

«Политический дискурс является сложным объектом исследования, поскольку лежит на пересечении разных дисциплин — политологии, социальной психологии, лингвистики» [3, с. 118]. Сложная структура понятия является причиной существования большого количества подходов к определению политического дискурса.

Основная часть. Подходы к исследованию политического дискурса

Как отмечает Е.И. Шейгал, «политический дискурс — это любые речевые образования, содержание которых относится к сфере политики» [10, с. 121]. Такой взгляд частично разделяет голландский лингвист Т. ван Дейк, определение которого во многом схоже с представленным, так как политическим дискурсом он называет некий класс жанров, ограниченных определенной социальной сферой, т.е. сферой политики [12, с. 8]. Согласно ученому, данный тип дискурса «реализуется в виде правительственных документов, партийных программ речей политиков, парламентских дебатов» [12, с. 8]. Оба лингвиста рассматривают политический дискурс несколько ограниченно: его существование возможно только в определенной сфере при наличии субъектов речевой коммуникации в лице политиков. По сравнению с подходами Е.И. Шейгал и Т. ван Дейка австрийский лингвист Р. Водак расширяет понятие дискурса, определяя его не только как самостоятельное исследовательское поле, но и как «совокупность теорий производства и восприятия» [2, с. 180–196]. При таком подходе понятие политического дискурса в лингвистике значительно расширяется: его участниками могут стать не только политики, а все, кто вовлечен в политические коммуникативные события. Е.И. Шейгал считает дискурс политическим, если к сфере политики относится хотя бы одна из трех составляющих: субъект, адресат или содержание речевого произведения [10]. Таким образом, в политическом дискурсе могут участвовать как граждане, чья основная профессия непосредственно связана с политикой,

так и просто заинтересованные люди, избиратели, демонстранты и подобные социальные группы.

При семиотическом подходе политический дискурс определяется как «своеобразная знаковая система, в которой происходит модификация семантики и функций разных типов языковых единиц и стандартных речевых действий» [10, с. 3]. Ф. де Соссюр рассматривал политический дискурс как в первую очередь опирающийся на язык-конструкт, а именно, как «форму социального действия, всегда определяемую языковыми ценностями и социальными нормами, условностями (как натурализованные идеологии) и социальными практиками, всегда ограничиваемую структурами власти и историческими процессами, находящимися под их влиянием» [9, с. 426]. Однако в данном исследовании мы будем отталкиваться от более широкого определения данного вида дискурса, не ограниченного структурными свойствами текста или самой речи, а включающего в себя систематическое описание контекста и его отношение к дискурсивной конструкции.

Ориентируясь на широкий подход к определению политического дискурса, можно утверждать, что его составляет не только речь политиков, но и все тексты, носящие политический характер. Таким образом, дискурс имеет полевое строение: в его основе находятся жанры исключительно политической среды, а на периферии — жанры реагирования, которые сочетают в себе элементы политического и массмедийного дискурсов [7, с. 276–339].

Конститутивные характеристики политической коммуникации

Некоторые исследователи при определении политического дискурса основное внимание уделяют именно его языковой стороне. По мнению В.З. Демьянкова, политический язык отличается от обычного по следующим параметрам:

- 1) терминологичность политической лексики. Помимо узкополитических терминов, некоторые общеупотребительные лексемы могут приобретать новое значение в политическом контексте, сильно изменяя свою первоначальную семантику;
- 2) специфическая структура дискурса, являющаяся результатом своеобразных речевых приёмов;
- 3) особенности реализации дискурса, находящие отражение в его письменном или звуковом оформлении [4].

Виды политического дискурса

Предпринимая попытки очертить объем понятия политического дискурса, возможно выделить следующие его разновидности [10]:

- 1) институциональный политический дискурс, в рамках которого коммуникация происходит не между отдельными индивидуумами, а между представителями того или иного социального института, такого как правительство, парламент, муниципалитет, общественные организации, и представителем другого социального института или гражданином в позиции избирателя. В данном случае тексты в письменной или устной форме создаются непосредственно политиками с целью их использования в политической коммуникации. Примерами могут служить парламентские речи и дебаты, политические документы, публичные выступления и интервью политических лидеров и т.д. Сюда же относится аппаратная политическая коммуникация, в рамках которой создаются тексты, предназначенные для сотрудников государственного аппарата;
- 2) масс-медийный (медийный) политический дискурс, который составляют тексты политической тематики, созданные журналистами и распространяемые посредством прессы, радио, телевидения, Интернета;
- 3) тексты, созданные гражданами, не являющимися политиками или журналистами по профессии, однако эпизодически участвующими в политической коммуникации. Формами такого взаимодействия могут служить адресованные политикам или государственным учреждениям обращения и письма, тексты политических мемуаров, письма в средства массовой информации, а также такие литературные произведения, как политические детективы и политическая поэзия.

Институциональными характеристиками политического дискурса являются его функции. К основным функциям политического дискурса Р. Водак относит следующие:

- 1) персуазивную, т.е. функцию убеждения. Она проявляется, например, в агитационных речах политиков;
- 2) информативную функцию, обеспечивающую передачу новой информации от адресанта реципиенту, а именно, информирование аудитории об акциях, о курсе политика, его позиции и намерениях;
- 3) аргументативную функцию, предполагающую чёткое обоснование каждого утверждения политика в неразрывной связи с традициями, ценностями и идеологией народа;
- 4) персуазивно-функциональную, т.е. функцию, заключающуюся в создании убедительной картины лучшего устройства мира;
- 5) делимитативную функцию, отражающую отличие некоторой позиции от иной;

- 6) групповыделительную функцию, предполагающую языковое и содержательное обеспечение идентичности определенной социальной группы [2, с. 57].

Публичное политическое выступление характеризуется как речевой жанр, так как обладает коммуникативной целью. Характеристиками такого выступления являются нижеперечисленные [3, с. 124]:

- 1) принадлежность к аргументирующему, суггестивному или убеждающему типу коммуникативного действия;
- 2) структура, которая способствует логичному и внятному обоснованию выдвигаемых утверждений;
- 3) наличие таких конститутивных признаков, как образ автора и адресата, образ прошлого, настоящего и будущего и их сопоставление. Что касается адресата, это та аудитория, на которую в создании своих речей и текстов ориентируется автор. Кроме того, составляющими признаками также являются грамматические, лексические и стилистические ресурсы жанра.

Исходя из целевой направленности, ведущей функцией политического дискурса можно назвать инструментальную, заключающуюся в использовании коммуникативных инструментов политической власти и выражающуюся, например, в борьбе за власть, овладение ею и в последующем сохранении, осуществлении, перераспределении или стабилизации власти [10]. Общественное предназначение политического дискурса заключается в направленном воздействии на аудиторию, целью которого является внушение необходимых политическим деятелям действий и оценок. Это значит, что «цель политического дискурса — не описать, а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию» [4, с. 32–43]. По мнению Е.И. Шейгал, в сфере политики основой существования и залогом успеха государственной власти или отдельной партии или политика является управление реакциями аудитории.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что преобладающей функцией политического дискурса является персуазивная функция. Одним из наиболее частотных стилистических приемов, способствующих убеждению в чем-либо реципиента сообщения в рамках политического дискурса, выступает использование автором фразеологии, в частности библейских фразеологических выражений.

Библейская фразеология и ее функциональный потенциал

Являясь неисчерпаемым источником величайшей мудрости, Библия продолжает оставаться популярной

и авторитетной книгой во многих христианских странах, оказывая влияние на формирование менталитета и нравственных ценностей. Книга Книг сыграла важную роль в формировании мировой культуры. Она оказывала свое влияние не только на духовную жизнь человека, но и на его язык и речь. Священное писание обогатило лексикон английского языка. Благодаря своей образности и лаконичности фразеологизмы, заимствованные из Библии, метафоризировали английскую речь, обнаружили в ней скрытые смыслы и добавили ей красочности и экспрессивности. «Лаконичность формы и экспрессивная насыщенность библейских фразеологизмов дают возможность их переосмысления и дальнейшего обогащения» [6, с. 72]. Все это, а также их уникальная специфика, вызывает интерес к изучению этих языковых единиц, открывая в них новые смыслы и особенности.

Интерес отечественных и зарубежных исследователей к библейской фразеологии интенсивен в настоящее время: филологи исследуют проблемы происхождения и установления источника библеизмов, их классификации и варьирования, анализа библеизмов с архаичными значениями и формами слов, а главное, исследование функционирования библейских фразеологизмов в разных типах дискурса на сегодняшний день занимают центральное место в ряду работ современных лингвистов. Библейские фразеологизмы настолько прочно вошли в нашу речь, что довольно часто употребляющие фразеологизмы индивиды не подозревают, что прародителем этих выражений является текст Священного Писания. Морально-этическое содержание фразеологических единиц библейского происхождения определяется десятью библейскими заповедями о любви и мире, справедливости и терпимости, добре и избавлении от искушения, т.е. в конечном счете о необходимости стремления к гармонизации отношений между людьми разных социальных слоев и возрастов [13, с. 294]. Ср. с высказыванием К.Н. Дубровиной: «“Морально-этическая, нравственно-дидактическая тематика” библейской фразеологии отражает “вечные проблемы” — добро и зло, порок и добродетель, праведность и греховность, жертвенность и преступность, раскаяние, искупление, воздаяние и т.д.» [5].

Библейская фразеология, с одной стороны, является частью ее фразеологической системы, и, следовательно, библейский фразеологизм приобретает все дифференциальные признаки фразеологической единицы, а с другой стороны, библеизмы имеют ряд специфических характеристик, обусловленных их происхождением и особой семантикой, а также стилистической характеристикой и определенными функциями в языке. К специфическим чертам би-

блеизмов необходимо отнести их содержательную структуру, в которой четко прослеживаются морально-дидактические, морально-этические составляющие, а также их лингвостилистические особенности, проявляющиеся в особых коннотативных смыслах.

Разграничивая термины и понятия, которые за ними закрепляются (**библеизм** и библейский фразеологизм), под первым мы будем понимать слово, выражение или конструкцию, которые имеют библейское происхождение. Такие слова и выражения могут иметь широкое употребление в разных контекстах и не обязательно иметь ярко выраженное идиоматическое значение. Например, слово ‘*Armageddon*’ («*армагеддон*») — это библеизм, который используется для обозначения конца света или катастрофических событий.

Библейский фразеологизм структурно представляет собой словосочетание или предложение (библейские пословицы) с полностью или частично переосмысленным значением, т.е. имеет ярко выраженное идиоматическое значение, и генетически восходит к библейскому тексту или сюжету. Ср., например, *forbidden fruit* (запретный плод), *manna from heaven* (манна небесная), *doubting Thomas* (Фома неверующий), *to see through glass darkly* (смутно представлять что-л., не понимать, не различать ясно), *Egyptian darkness* (Тьма египетская, кромешная тьма), *the Father of Lies* (Отец лжи, сатана), *etc.* [1, с. 35–43].

По справедливому замечанию К.Н. Дубровиной, исследующей русскую библейскую фразеологию, «семантика библейских фразеологизмов отличается своей характеризующей тематикой, т.е. характеристикой свойств, качеств, эмоций человека, а также явлений и ситуаций. Вместе с тем значительная часть БФ носит назидательный характер, представляя собой разного рода наставления, нравоучения, предостережения, советы, пожелания, заповеди и т.п.» [5].

В последнее время в обиход вошел термин «политическая фразеология», т.е. совокупность фразеологических выражений, используемых политиками для достижения определенного воздействия на избирателей. Отметим, что особое место в «политической фразеологии» занимает пласт библейских выражений и цитат, часто видоизмененных, адаптированных под ситуацию.

Результаты исследования

Анализ 120 контекстов политического дискурса на русском и английском языках выявил следующее.

1. Библейские фразеологизмы частотны в текстах политического дискурса.
2. Функционируя в текстах политического дискурса, библейские фразеологизмы подвергаются узультальным и окказиональным модификациям.

3. Наиболее частотные преобразования структуры фразеологизма включают лексические и грамматические замены, а также расширение и сокращение состава фразеологической единицы.
4. Структурные изменения используемых фразеологизмов влекут за собой модификацию семантики фразеологической единицы.
5. Ведущей функцией использования фразеологизмов библейского происхождения является персуазивная функция, так как библейские фразеологизмы привносят в речь политического деятеля экспрессию, образность, оценочность, придают весомости заявляемому положению, т.е. таким образом убеждают адресата в правдивости того или иного тезиса или побуждают к определенному действию.

Продемонстрируем несколько примеров использования библейских фразеологизмов в текстах политического дискурса. Нижеследующие русско- и англоязычные контексты содержат фразеологизмы в своем неизменном виде, т.е. сохранившем первоначальную структуру и семантику:

(1) *The Minister has again said that if there is a slight majority it will be a matter for the Secretary of State. He also said that, when faced with a "Yes" vote, however slight, it would be a brave Secretary of State who did not say that that side had won. We accept that. It has been that way in local government since Adam was a boy where there is a majority of one. Sometimes, if there is no majority at all, a coin is tossed to decide who wins. But there is always a decision based on a vote. We understand it will be different with these referendums and that there will be a subjective decision by the Secretary of State / Министр снова сказал, что если большинство будет незначительным, это будет вопрос для государственного секретаря. Он также сказал, что, столкнувшись с голосованием «Да», каким бы незначительным оно ни было, смелым был бы госсекретарь, который не сказал бы, что эта сторона победила. Мы принимаем это. Так было в местном самоуправлении со времен Адама, когда большинство составляло один голос. Иногда, если большинства нет вообще, бросают монетку, чтобы решить, кто победит. Но всегда есть решение, основанное на голосовании. Мы понимаем, что с этими референдумами все будет по-другому, и что государственный секретарь будет принимать субъективное решение [11].*

Фразеологизм *since Adam was a boy* (coll.) — от Адама (с глубокой древности, с древнейших времен). Этимология: *"And God called the light Day, and the darkness he called Night. And the evening and the morning were the first day"* (Gen. 1, 5); *"And Adam called his wife's name Eve; because she was the mother of all living"* (Gen. 3, 20); *"Nevertheless death reigned from Adam to Moses, even over them that had not sinned after the similitude of*

Adam's transgression, who is the figure of him that was to come" (Rom. 5, 14) / Этимология: выражение восходит к текстам Священного писания, где Адам — первый человек, сотворенный Богом «из праха земного» (Быт. 2, 7), признается родоначальником всего человечества: «От одной крови Он произвел весь род человеческий» (Деян. 17, 26) [8].

(2) *In addition to rule-making, thereby reducing the degree of uncertainty confronting workers and management, it can also be a vehicle for resolving disputes, a power relationship and, where it takes place at enterprise or plant level, it may be regarded as a form of participation for workers or their representatives. Thus in Norway, employers see it as a mechanism providing for industrial peace, whereas according to the CGT in France it is a form of class struggle. In the USA collective bargaining is viewed almost as 'the alpha and omega of trade unionism' [11] / В дополнение к установлению правил, снижая тем самым степень неопределенности, с которой сталкиваются работники и руководство, он также может быть средством разрешения споров, соотношением сил и, если он проводится на уровне предприятия или завода, может рассматриваться как форма участия работников или их представителей. Так, в Норвегии работодатели рассматривают его как механизм, обеспечивающий мир на производстве, тогда как, по мнению Всеобщей конфедерации труда во Франции, это форма классовой борьбы. В США коллективные переговоры рассматриваются почти как «альфа и омега профсоюзного движения».*

(3) *Чего требует доктрина? Переворота всей жизни общества, который может и должен быть произведен только путем насилия. Насилия, которое совершит над обществом какое-то активное, организованное меньшинство, но при одном непременном, обязательном условии — взявши предварительно в свои руки государственную власть. В этом альфа и омега: ничего не сделаешь, говорит доктрина, не взявши власть. Все сделаешь, все переменишь, взяв в свои руки власть. На этой базе построена вся их жизнь. Власть приходит в руки Ленина, а потом Сталина не только потому, что они маниакально, безгранично к ней стремятся, но и потому, что они в партии являются и наиболее полными, наиболее яркими воплощениями этой основной акции партийной доктрины (Б.Г. Бажанов. Воспоминания бывшего секретаря Сталина (1980)).*

Фразеологизм *alpha and omega* (formal) — альфа и омега (книжн. высок.) — самая суть, основа чего-л.; нечто самое значительное. Этимология: *"I am Alpha and Omega, the beginning and the ending, saith the LORD, which is, and which was, and which is to come, the Almighty"* (Rev. 1, 8) / Этимология: «Я есмь альфа и омега, начало и конец...» (Откр. 1, 8); «Я есмь альфа и омега, первый и последний» (Откр. 1, 10).

Сочетание построено на столкновении противопоставленных компонентов: альфа и омега — первая и последняя буквы греческого алфавита (греч. α и Ω , ω). От этого оборота образовано и выражение от альфы до омеги — «с самого начала до самого конца». Калькой этого выражения в русском языке является выражение от А до Я [8].

(4) *We all say it is a fine ideal to get peaceable, prosperous self-government in India: It is a fine ideal, but the difficulty is that so many people think you can realise that ideal by idealising the real: That, I think, is what constantly happens when we are discussing in this House Measures of this kind in connection with India: The Bill is going to construct a great constitutional tower: I can not help thinking, however, that that tower will prove to be only a Tower of Babel, with much confusion of tongues and with the various nationalities that exist in India [11] / Мы все говорим, что это прекрасный идеал — получить мирное, процветающее самоуправление в Индии: Это прекрасный идеал, но трудность заключается в том, что многие люди думают, что можно реализовать этот идеал, идеализируя реальное: Именно это, я думаю, постоянно происходит, когда мы обсуждаем в этой палате меры такого рода в связи с Индией: Билль собирается построить великую конституционную башню: Я не могу не думать, однако, что эта башня окажется лишь Вавилонской башней, с большой путаницей языков и с различными национальностями, которые существуют в Индии...*

(5) *То же самое и в образовании. Профессиональная ориентация ученика создаёт возможности выбора, которых вполне достаточно. Он может быть математиком или биологом, но при этом сама наука математика — одна-единственная, и биология тоже. В науке и образовании не может быть вавилонского смешения языков. Стоит сказать несколько слов о теологии, с которой тоже идёт необъявленная война. Спрашивают: «Зачем нужна теология?» — «Наука ли это?» (Не удивлюсь, если министр образования будет введён в состав Совбеза // Парламентская газета, 2018.03).*

Фразеологизм (*the building of the Tower of Babel* — Вавилонская башня, вавилонское столпотворение. О полной неразберихе, большом беспорядке, суете, шуме и суматохе.

Этимология: “*And the whole earth was of one language, and of one speech. And it came to pass, as they journeyed from the east, that they found a plain in the land of Shinar; and they dwelt there. And they said one to another, Go to, let us make brick, and burn them throughly. And they had brick for stone, and slime had they for mortar. And they said, Go to, let us build us a city and a tower, whose top may reach unto heaven; and let us make us a name, lest we be scattered abroad upon the face of the whole earth. And*

the LORD came down to see the city and the tower, which the children of men builded. And the LORD said, Behold, the people is one, and they have all one language; and this they begin to do: and now nothing will be restrained from them, which they have imagined to do. Go to, let us go down, and there confound their language, that they may not understand one another’s speech. So the LORD scattered them abroad from thence upon the face of all the earth: and they left off to build the city. Therefore is the name of it called Babel; because the LORD did there confound the language of all the earth: and from thence did the LORD scatter them abroad upon the face of all the earth” (Gen. 11, 1–9) [8].

(6) *When I looked at the Bill that became the House of Commons (Removal of Clergy Disqualification) Act 2001, it seemed eminently sensible. There was no good reason to deny the hon: Gentleman his legitimate entitlement to sit in this House, if he were able, as he was, to secure the support of the people of his constituency. I wish him well here, and I hope that from time to time we might break bread together (Hansard) / Когда я ознакомился с законопроектом, который стал Законом о Палате общин (отмена дисквалификации священнослужителей) 2001 г., он показался мне чрезвычайно разумным. Не было никаких веских причин отказывать уважаемому джентльмену в его законном праве заседать в этой палате. Джентльмена в его законном праве заседать в этой палате, если он смог, как он и сделал заручиться поддержкой жителей своего избирательного округа. Я желаю ему всего хорошего здесь, и я надеюсь, что время от времени мы сможем вместе преломлять хлеб.*

Фразеологизм *break bread (with smb.)* — преломлять хлеб, делить с кем-л. пищу, трапезу. Этимология: “*And upon the first day of the week, when the disciples came together to break bread, Paul preached unto them, ready to depart on the morrow; and continued his speech until midnight” [14].*

(7) «Спасибо большое, Владимир Владимирович, за высокую оценку работы и за доверие, которое вы оказываете мне сейчас. Уверен — наверное, рано говорить «уверен», хотя и надо быть уверенным, — что добьемся больших результатов в том, что касается хлеба насущного», — ответил Николай Федоров, советник президента РФ (<https://www.vesti.ru/finance/article/1743411>).

(8) *However, it goes further: As time goes on, all of those political ideas, those catch-phrases, become the focus for lobbying by special interest groups / I regret to say that one can see that reflected very much in my noble friend’s speech today: He listed all the industrial bodies which support the Government’s proposals: He was entirely justified in doing so because it is industry which earns our daily bread: But we must also recognise that the operations of industry affect people outside the management and direction of industry itself: they affect the public at large; in other words, the*

consumer [11] / Однако дело идет дальше: Со временем все эти политические идеи..., эти крылатые фразы... становятся объектом лоббирования со стороны групп особых интересов: К сожалению, я должен сказать, что это очень ярко отразилось в сегодняшней речи моего благородного друга: Он перечислил все промышленные организации, которые поддерживают предложения правительства: Он был полностью оправдан в этом, потому что именно промышленность зарабатывает наш хлеб насущный: Но мы также должны признать, что деятельность промышленности затрагивает людей, находящихся вне сферы управления и руководства самой промышленностью: она затрагивает широкую общественность, другими словами, потребителей.

Фразеологизм (**our**) **daily bread** — хлеб (наш) насущный, средство, крайне необходимое для существования, для жизни; нечто исключительно важное. Этимология: *In English the phrase one's (smb.'s) daily bread is used of a person's means of subsistence, necessities of life* / восходит к евангельскому выражению «Хлеб наш насущный даждь нам днесь» (Мф. 6, 11) [8].

Окказиональные варианты библейских фразеологизмов частотны в текстах политического дискурса:

(9) *Мы были на грани гражданской войны. Но так и не было покаяния и извлечения уроков... Тот, кто сейчас клеймит только одну сторону, — это люди, подобные политическим кузнечикам, которые проделывали кульбиты в течение всего этого десятилетия. Знаете, в диапазоне от Адама до Потсдама и от Чемберлена до Троицкого и обратно... Подытожив выступление словами «месть неприемлема, но и всепрощение тоже», депутат Лукин уступил место Владимиру Жириновскому. Лидер ЛДПР предложил посадить всех в тюрьму: «И Ельцин, и Зюганов будут сидеть в тюрьме! И радикалы в лице Гайдара» [Государственная дума обсудила события октября 1993 года // Коммерсант, 2003.10].*

В данном случае фразеологизм расширяется в своем составе, такие варианты мы называем квантитативными (добавление или опущение компонентов фразеологизма). Кроме модификации использованного фразеологизма налицо прием параллелизма и рифмы, преобразующие фразеологизм до неузнаваемости и придающие экспрессию высказыванию.

(10) *There is greater joy in heaven over the prodigal that returns than over the person who remained constant all the*

time. I have always felt it very unfair that the person in the parable who played the game and did all the work got no credit when the rogue and the vagabond who squandered the family inheritance was welcomed back and the fatted calf was killed for him. Nevertheless, I am of a generous nature, as I keep telling the House, although no one believes me. If the Minister were to announce that he had forsaken his old ways and was coming back to the paths of righteousness and competition, I should be the first to pay tribute to his conversion [11] / На небесах больше радости о вернувшемся заблудшем человеке, чем о человеке, который все время оставался неизменным. Я всегда считал очень несправедливым, что человек в притче, который играл в игру и делал всю работу, не получил никаких заслуг, когда негодяй и бродяга, растративший семейное наследство, был принят обратно, и ради него был убит откормленный теленок. Тем не менее я щедрый человек, как я постоянно говорю Палате представителей, хотя никто мне не верит. Если бы министр объявил, что он оставил свои старые пути и возвращается на путь праведности и конкуренции, я бы первым воздал должное его обращению.

Фразеологизм **to kill the fatted calf** — закласть упитанного тельца, угостить самым лучшим и дорогим, что есть; радушно встретить. Этимология: “*But as soon as this thy son was come, which hath devoured thy living with harlots, thou hast killed for him the fatted calf*” [14]. В предложенном вниманию читателя отрывке фразеологизм грамматически трансформируется (изменение залога), «подстраиваясь» под ситуативный контекст.

Закключение. Таким образом, представленные выше примеры использования библейских фразеологизмов в контексте политической коммуникации наглядно демонстрируют, как применение переосмысленных устойчивых единиц библейского истока расширяет «границы сообщения», убеждая адресата в правильности того или иного суждения, как «работает» на основную цель и идею автора сообщения, придавая тексту экспрессию и яркую образность. Можно сказать, что почти общепринятой нормой для речи политика сегодня является использование библейских выражений. Именно они делают речь красочной, образной, запоминающейся, а проводимые параллели с Библией добавляют авторитетности и объективности высказыванию, поскольку библейские истины непреложны.

Литература

1. Бакина А.Д. Библизмы vs библейские фразеологизмы: уточнение понятий (на примере английских и немецких текстов) [Текст] / А.Д. Бакина // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Серия «Гуманит. и соц. науки». — 2021. — Т. 21. — № 6. — С. 35–43. — DOI: 10.37482/2687-1505-V140.

2. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика [Текст] / Р. Водак. — Волгоград: Перемена, 1997. — 139 с.
3. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования [Текст]: учеб. пособие / В.З. Демьянков; отв. ред. М.Н. Володина. — М.: Изд-во Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 2003. — С. 116–133.

4. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии [Текст] / В.З. Демьянков // Политическая наука. — 2002. — № 3. С. 32–43.
 5. Дубровина К.Н. Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре [Электронный ресурс]. — URL: <https://culture.wikireading.ru/57470> (дата обращения: 23.03.2023).
 6. Зиновьев А.В. Магия Апокалипсиса [Текст] / А.В. Зиновьев. — Саранск: Поиск, 1990. — 255 с.
 7. Кибрик А.А. Функционализм [Текст] / А.А. Кибрик, В.А. Плунгян // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. — 2-е изд. — М.: Эдиториал УРСС, 2002. — С. 276–339.
 8. Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках [Текст] : в 2 т. — Т. 1: А–О / авт.-сост. З.К. Адамия [и др.]; под общ. ред. Е.Е. Иванова [и др.]. — Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2019. 288 с.; Т. 2: П–Я / авт.-сост. З.К. Адамия [и др.]; под общ. ред. Е.Е. Иванова [и др.]. — Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2019. — 308 с.
 9. Соссыур Ф. де. Курс общей лингвистики [Текст] / Ф. де Соссыур; перевод с франц. С.В. Чистяковой. — Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. — 432 с.
 10. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса [Текст] / Е.И. Шейгал. — Волгоград: Перемена, 2000. — 368 с.
 11. British National Corpus [Электронный ресурс]. URL: <https://www.english-corpora.org> (дата обращения: 02.02.2023).
 12. Dijk T.A. van. Discourse as structure and process. London: SAGE Publications, 1997. 357 p.
 13. Fedulenkova T.N. Biblical Phraseology: Sacred and Profane // Россия и Запад: диалог культур: Материалы 7-й Международной конф. — М.: Изд-во МГУ, 2000. С. 290–299.
 14. King James Bible Online [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kingjamesbibleonline.org> (дата обращения: 26.03.2023).
- References**
1. Bakina A.D. Biblical lexical items vs biblical phraseological units: specifying the notions (based on the English and German texts). Vestn. Sev. (Arktich.) feder. un-ta. Ser.: Gumanit. i soc. Nauki [Northern Arctic Federal University Bulletin: Humanitarian and Social sciences], 2021. T. 21. No. 6. Pp. 35–43. DOI: 10.37482/2687-1505-V140. (in Russian)
 2. Vodak R. Yazik. Diskurs. Politika [Language. Discourse. Politics]. Volgograd: Peremena Publ., 1997. 139 p. (in Russian)
 3. Dem'yankov V.Z. Integration of political discourse into the media. Yazyk SMI kak ob'ekt mezhdisciplinarnogo issledovaniya: Uchebnoe posobie [Media language as the object of interdisciplinary study]. Moscow, MSU Publ., 2003. Pp. 116–133. (In Russian)
 4. Dem'yankov V.Z. Political discourse as the subject of political philology // Politicheskaya nauka [Political science]. Moscow, INION RAN Publ., 2002. No. 3. Pp. 32–43. (In Russian)
 5. Dubrovina K. N. Bibleiskie fraseologizmy v russkoy i evropeiskoy kul'ture [Biblical phraseological units in Russian and European culture]. URL: <https://culture.wikireading.ru/57470> (date of access: 23.03.2023). (In Russian)
 6. Zinov'ev A.V. Magija apokalipsisa [The magic of apocalypse]. Saransk: Poisk Publ., Saranskij filial SP Nord, 1990. 255 p. (In Russian)
 7. Kibrik A.A., Plungyan V.A. Functionalism // Sovremennaya amerikanskaya lingvistika: fundamental'nye napravleniya [Modern American linguistics: fundamental approaches]. 2-nd edition. M.: Editorial URSS Publ., 2002. Pp. 276–339. (In Russian)
 8. Lepta biblejskoj mudrosti [the Mite of Biblical Wisdom]: russkoslavjanskij slovar' biblejskih krylatyh vyrazhenij i aforizmov s sootvetstviyami v germanskikh, romanskikh, armjanskom i gruzinskome yazykah: v 2 t. T. 1: A–O / avt.-sost. Z. K. Adamiya [i dr.]; pod obshch. red. E.E. Ivanova [i dr.]. Mogilev: MGU imeni A. A. Kuleshova Publ., 2019. 288 p.; T. 2 : P–YA / avt.-sost. Z.K. Adamiya [i dr.]; pod obshch. red. E.E. Ivanova [i dr.]. Mogilev: MGU imeni A.A. Kuleshova Publ., 2019. 308 p. (in Russian)
 9. Sosyur F. de. Kurs obshchej lingvistiki [The Course of General Linguistics] / Sosyur F. de; perevod s francuzskogo S. V. Chistyakovej. Ekaterinburg: Ural'sky universitet Publ., 1999. 432 p. (In Russian)
 10. Shejgal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa [The semiotics of political discourse]. Volgograd: Peremena Publ., 2000. 368 p. (In Russian)
 11. British National Corpus. Rezhim dostupa: <https://www.english-corpora.org> (date of access: 02.02.2023).
 12. Dijk T.A. van. Discourse as structure and process. London: SAGE Publications, 1997. 357 p.
 13. Fedulenkova T.N. Biblical Phraseology: Sacred and Profane. Rossiya i Zapad: dialog kul'tur: Materialy 7-j Mezhdunarodnoj konf. [Russia and West: the dialog of cultures]. Moscow: MSU Publ., 2000. Pp. 290–299. (In Russian)
 14. King James Bible Online. URL: <https://www.kingjamesbibleonline.org> (date of access: 26.03.2023).